

Олег РОГОВ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Владимир Аристов. Жизнь незамечаемых людей. – М.: Русский Гулливер / Центр современной литературы, 2021. – 180 с.

Жанр короткого рассказа хорошо прижился в современной прозе, далекой от мейнстрима (Маргарита Меклина, Данила Давыдов и другие достойные авторы). Все знают, что крупные коммерческие издательства не хотят, как правило, иметь дело с рассказами отечественных авторов – якобы те плохо раскупаются, стабильно предпочитая романы, причем стремясь сделать книгу потолще, иногда банально за счет укрупнения кегля. Есть устойчивый миф, что это тяжкое и неизжитое наследие советского прошлого: толстая книга – весомо и солидно. А рассказы, мол, хороши для глянцевого и не очень журналов. Возможно, дефицит бумаги и исчезновение этих самых журналов в скором времени заставят отказаться от этого дурного стереотипа.

И вот, вдали от литературных автобанов с четко известным маршрутом и рекомендуемым режимом скоростей, нормальные авторы петляют извилистыми тропками без рекламных щитов, светофоров, камер слежения и жесткой необходимости перестраиваться в определенный ряд в соответствии с дорожными знаками. Несомненным плюсом становится удовольствие от путешествия, а не стремление добраться к намеченной цели по предсказуемому маршруту, не тобою проложенному.

Это мы немного поигрались с термином «мейнстрим», приписав ему метафорические свойства. То же самое изящно проделывает и Аристов, оживляя стершиеся клише. Чмок – и мертвая царевна протирает глаза, начинает потягиваться и разминать оцепеневшие в сонном параличе члены.

Человек «доходит» до Страсбургского суда – до здания, на своих двоих; фраза «Вас известят» вызывает к жизни известь; фэйс-контроль логично приводит к замерам голов, носов и т. д. Иногда этот прием превалирует в том или ином тексте, иногда работает как триггер, развертывая событийный ряд, подчас служит штрихом («тянуть одеяло на себя», так как человек лежит под ним без трусов), иногда вполне незаметен. Так, «хвост» дважды мелькает в текстах, где так или иначе фигурируют животные – про хвост очереди в зоопарке и «насыпать соли на хвост» – как говорят про ажитированного человека, а ведь парой строчек ниже в рассказе появляются ослы. А в рассказе «Цезарь» вереница созвучий приводит к «кесарю», а потом к «косарю» – привет свихнувшемуся Батюшкову.

Прием вполне поэтический – Аристов ведь прекрасный поэт, лауреат единственной стоящей, по-моему, премии – Андрея Белого (аксиос), и вот тут мы переходим к сути. Одно из качеств его стихов – заинтересованная внимательность к вещам, деталям, идеям, причем эта внимательность в хорошем и старомодном смысле добра и человечна.

Рассказы книги вполне абсурдны, но это на удивление гуманистический абсурд, а ведь мы привыкли к куда более жестким и страшным упражнениям в этом роде.

Первая же строка книги – «Предупреждение автора» – настраивает нас на определенный лад, неизбежно отсылая к незабвенному Пригову. Но читатель сталкивается совсем с иным подходом, внимая «беззащитности слабых голосов вещей и людей, которые способны неожиданно войти в будто бы уже размеченную ткань произведения, но не разорвать ее, а раздвинуть нити и заглянуть. И тогда мы увидим и услышим многие голоса людей и вещей, дотоле заглушаемые громким голосом писателя-творца, который в приказном порядке повелевал своим героям подчиняться его воле. Они войдут сами по себе, не требуя особого разрешения. И образуя хор голосов разных точек и клякс бытия, не требующих от пишущего сразу санкции на свои существования. Множество разрозненных вроде бы

элементов, обрывков историй, восклицаний способно будет образовать нечто вроде мерцающего эпоса <...> созданное не зачеркивает, а нечто и прибавляет к бытию, утверждая его».

Так и сюжеты рассказов не обманывают читательских ожиданий неожиданным поворотом, а плавно растворяются в белизне бумажного листа и это действует сильнее, чем возможный эффектный ход. Как будто математическая задача по ходу своего решения меняет условия, а потом и вовсе от них отказывается. Или, возвращаясь к образу текста как путешествия – а давайте свернем в другую сторону или остановимся полюбоваться на птиц, а потом вообще никуда не пойдём.

И ещё одно наблюдение, не могу не поделиться, как сказала амеба. Когда говорят пушки, а в стране царит разгул полицейской истерии, читательский глаз волей-неволей отмечает в текстах детали, вряд ли намеренно акцентированные автором.

«Условный срок», «выстрелом из стартового пистолета разогнал толпу», «был немедленно задержан», «суд счел доводы смехотворными», «участковый сказал, что заберет документ для проверки», «дверь его взломал российский спецназ», «незаконное вторжение» и т. д., примеры можно множить, тем более, что я счел возможным принять во внимание не только рассказы в книге, но и помещенные в этом номере журнала.

Судя по выходным данным, верстка подписана к печати 18 ноября 2021 года (благословенные, оказывается, были времена), следовательно, написаны все рассказы вряд ли раньше 17 ноября (тут можно поставить смайлик) – ведь книга сделана по технологии Т8, вжик-вжик и тираж готов за очень короткое время.

Но законная реальность может по-своему исполнить партитуру текста и ничего с этим уже не поделаться.